

/sub

IT'S THE END OF THE WORLD

ADAM
ROBERTS

But What Are We Really
Afraid of?

ВОТ И ВСЁ.

АДАМ
РОБЕРТС

Зачем мы пугаем себя
концом света?

Individuum
Москва, 2025

Перевод с английского
Сергея Афонина и Виолетты Бойер

УДК 008

ББК 71

P58

Робертс, Адам Чарльз.

P58 Вот и всё. Зачем мы пугаем себя концом света? / Адам Чарльз

Робертс ; в пер. с англ. С. Афонина, В. Бойер. — М.: Individuum, Эксмо,
2025 — 192 с. — (/sub).

ISBN 978-5-6046119-9

Мир на краю пропасти: чума унесит жизни миллионов, солнце выжигает посевы, тут и там начинаются войны, а люди, кажется, лишились остатков разума. Вы готовы к концу света?

Нас готовят к нему на протяжении всей истории и все это уже было в книгах и фильмах, утверждает Адам Робертс — преподаватель литературы колледжа Роял Холлоуэй Лондонского университета, писатель, которого критики называют лучшим современным фантастом, и по совместительству историк жанра. «Вот и всё.» — это блестящий анализ наших представлений о гибели человечества, в которых отражаются состояние общества, психология индивида и масс, их заветные чаяния и страхи. Почему зомби — это мы? Что «Матрица» может сказать об эпидемиях? Кто был первым «последним человеком» на Земле? Робертс чрезвычайно остроумно показывает, как друг на друга влияют научная фантастика и реальность, анализирует возможные сценарии Армагеддона и подбирает убедительные доводы в пользу того, что с ним стоит немного повременить.

ББК 71

 individuum /sub

УДК 008

Copyright © Adam Roberts 2020

First published by Elliott & Thompson Ltd. www.eandtbooks.com.

This edition published by arrangement with Elliott & Thompson Ltd,

Louisa Pritchard Associates and The Van Lear Agency LLC.

© С. Афонин, В. Бойер, перевод, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021, 2025

ISBN 978-5-6046119-9

Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	7
ВВЕДЕНИЕ. КОНЕЦ БЛИЗОК	21
ГЛАВА 1. СПАСАЯСЬ ОТ ГНЕВА ГОСПОДНЯ: СУДНЫЙ ДЕНЬ В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ	39
ГЛАВА 2. ПОЛЧИЩА НЕЖИТИ: ЗОМБИ-АПОКАЛИПСИС	67
ГЛАВА 3. ВЫНОСИТЕ СВОИХ МЕРТВЕЦОВ: РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ЧУМА	87
ГЛАВА 4. ЭПОХА МАШИН: НЕУПРАВЛЯЕМЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	115
ГЛАВА 5. ТЕПЛОВАЯ СМЕРТЬ И ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ: КОНЕЦ ВСЕЛЕННОЙ	135
ГЛАВА 6. МИР В ОГНЕ: КЛИМАТИЧЕСКИЙ АРМАГЕДДОН	157
ЭПИЛОГ. КОНЕЦ НЕ НАСТУПИТ НИКОГДА	181

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Конец марта 2020 года. Над входом на станцию «Сокольники» недавно восстановили барельеф, вернув ему (как утверждается) первоначальный вид. Не знаю, что там было 85 лет назад, но теперь это – вселяющая ужас пластилиновая поделка, эталонный образец «искусства новых темных веков», к которому обычно приводит неумелая реставрация. Головы героических метростроевцев оторваны от тел, конечности оплавлены, а кричащие рты настолько искажены, будто их проделали тычком пальца. Я ненадолго замираю напротив гротескных гомункулов, изучая их несуразное шествие. На лестнице репродуктор обдает меня предупреждением, что в городе распространяется опасный вирус и всем пассажирам необходимо «применять средства защиты». На платформе стоят люди в белых скафандрах и с оранжевыми чемоданчиками – таких я уже видел: неделю назад, в поликлинике. Тогда передо мной к врачу зашел мужчина средних лет и надолго застрял там, очередь не двигалась – двадцать человек покорно ждали перед дверью. Минут через пятнадцать подошли сотрудники больницы в химзащите и без промедлений вывели

мужчину, отправили его с сопровождающим куда-то прочь, а затем вернулись в кабинет. Увлеченный зрелищем, я не заметил, что остался в коридоре один, остальных как ветром сдуло. Страх. И вот новая встреча, уже в метро. Я думаю о том, как круто за месяц изменилась жизнь, захожу в открывшиеся двери вагона, шагая в полуметре от упакованного в белоснежный полиэстер человека. Он похож одновременно на ученого-ядерщика из Half-Life, еще не знающего, к чему приведет эксперимент, и на неудачливого медика – истребителя заразы из «Обители зла». Последнее время я часто ловлю себя на мысли, что где-то я все это уже видел.

Как и вы, впрочем. Сложно уберечься от апокалиптических образов, когда культура поливает ими нас с завидной регулярностью – попробуй увернись. Так, в 2010-х фильмов об упадке цивилизации или же ее стремительном разрушении вышло в 2,5 раза больше, чем за 1990-е*, – и с книгами примерно то же самое. Апокалипсис и то, что будет после него, – давно уже самостоятельные жанры, и произведения внутри них могут быть какими угодно: тяжелыми, легкими, страшными, смешными или даже ностальгическими (раз мы до сих пор живы, то, значит, тридцать лет назад боялись чего-то несерьезного – не то что сейчас). Мы вольны выбирать картину конца света, наиболее

* См. дающий срез преимущественно американского и европейского кино, но достаточно репрезентативный список: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_apocalyptic_films. – *Прим. ред.*

подходящую нашим страхам или мечтам. Какую предпочитаете вы?

Одни считают, что рост углеводородных выбросов и разрушение озонового слоя приведут нас в безмолвную пустошь с каннибалами вроде описанной в «Дороге» (2006) Кормака Маккарти (люди с более взрывным темпераментом могут уповать на исход в духе последнего «Безумного Макса» (2016)). Другие уже сегодня живут в зомби-апокалипсисе с лишенными мозга кровожадными оппонентами, приближающими своей тупостью общую гибель. Третьи зачитываются пророчествами старцев о приходе Антихриста, трактуя QR-коды как его печать. Некоторые успешно совмещают. И все в каком-то смысле правы: вне зависимости отобстоятельств каждое движение секундной стрелки – еще один шаг к смерти, как нашей собственной, так и коллективной. Религия и литература помогают нам справляться с этой гнетущей мыслью и нормализовывать происходящее, придавать ему знакомый вид, а в конечном итоге рассчитывать на хеппи-энд. Все-таки по-настоящему беспросветные произведения – вроде той же «Дороги» – встречаются редко: нам хочется верить, что даже сквозь пепелище пробьется новая жизнь.

Конечно, мы не можем быть уверены в том, что именно убьет человечество: вирус, мегапожары, пробуждающаяся раз в 17 лет саранча, утечка в Даркнет инструкций по изготовлению атомных бомб в домашних условиях, извержение супервулкана, падение кометы или медленное угасание Солнца. При наличии воображения все звучит одинаково опасно. Но точно не приходится сомневаться в том, что сценарий нашей гибели неизбежно упирается в развилку с ограниченным количеством дорожек. Перед вами книга о них.

Историк фантастического жанра, преподаватель британской литературы, большой любитель пошутить в твиттере и автор шестидесяти книг (как самодостаточных, так и пародийных — тут стоит отметить «Дракона с татуировкой девушки» хотя бы потому, что до такого додумается не каждый), англичанин Адам Робертс — идеальный кандидат для написания путеводителя по нашим мрачным представлениям о заключительной серии последнего сезона. Сам Робертс неоднократно заступал на эту безрадостную территорию. В его «Стене» (2001) человечество переживает не лучшие времена после неудачного эксперимента: гравитационное поле Земли изменилось, и большинство населения смело в космос, а для немногих выживших поверхность планеты стала непреодолимой преградой, буквально вдоль которой разворачиваются события тех самых «новых темных веков». «Снег» (2004) апеллирует к одному из сценариев экологической катастрофы, напоминающей пошедшую наперекосяк рождественскую сказку из рекламы кока-колы: планету заметает бесконечной снежной бурей, сугробы закрывают улицы, машины, мосты, телеграфные столбы; вскоре и небоскребы тонут в удушающих ледяных объятиях. В «Обломке» («Splinter Thoughts», 2007), своеобразном парафразе «Гектора Сервадака» Жюль Верна, Земля раскалывается от удара кометы — одна из частей продолжает дрейфовать по Вселенной, каким-то чудом сохранив атмосферу и былую силу притяжения. Оставшиеся в живых не хотят признавать очевидного и продолжают верить в шарообразность небесного тела под своими ногами. В пояснительной записке на своем сайте Робертс так характеризует замысел книги: «Это метафора того, что миру может прийти

конец, а мы можем даже не понять этого. Безусловно, мы не сможем не заметить этого совсем (в конце концов, это же апокалипсис!), но в то же время мы не сможем быть полностью в этом уверены. Это длинный переходный период, в течение которого к нам постепенно будет приходить осознание, что с нами произошло нечто непоправимое». Что ж, если в умышленно странном «Обломке» и есть что-то реалистичное — то только это предположение.

По Робертсу, сюжет о конце света — рабочая лошадка научной фантастики. При этом ее не стоит рассматривать как андеграунд «большой литературы», скорее наоборот. В интервью изданию *Factor Daily* Робертс на вопрос о непризнанности сай-фая пуристами от литературы заявил за себя и за всех своих коллег «мы выигрываем эту войну» и был совершенно прав: в том или ином виде она присутствует в каждом втором современном мифе — их, впрочем, чаще называют франшизами.

Кроме того, научная фантастика подогревает тревогу об упущенных возможностях: после всех описаний изобретения эликсира бессмертия, позволяющего жить без скафандра в открытом космосе, наноаугментации, межгалактических путешествий через гудящие червоточины, да и всех прочих спейс-голубей, нестерпимо стыдно за лишенный всего этого 2021 год, с другой — как будто ждать осталось недолго, нужно совсем еще немного протянуть.

Мысль о том, что конца света ждали уже не раз, странным образом успокаивает. Большинство таких сюжетов выходят

из мифов дописьменных времен — представление об Армагеддоне религиозно *per se*, как справедливо указывает Робертс. Но если обратиться к характерному для научной фантастики первой половины XX века технооптимизму (и сегодня тоже встречающемуся — но больше в публичной риторике IT-корпораций), то и там мы увидим то же самое. Представление о «золотом веке» глубоко мифологично: бессмертие для каждого, полное искоренение насилия, стертые границы между особенностями абсолютно всех людей схожи с верой в благодушных львов, что кормились травой в Эдеме. Собственно, наше неверие в лучший мир и содержит в себе упоение мыслью о том, что человечество получит сполна за свою глупость и бессердечность, — даже в прагматических разговорах о будущем окружающей среды нет-нет, да мелькает мистическое чувство вины за содеянное прошлыми поколениями. Ужасный конец или ужас без конца — исчезновение всей жизни на планете в одно мгновение кому-то может представляться вполне справедливым финалом.

Жизнь подражает искусству: вымышленные сюжеты формируют мир вокруг нас. Например, фильм «Враг государства» (1998), повествующий о конфликте сознательного гражданина с продвинутой системой слежения, способной выявить месторасположение любого человека на планете, равно как и содержание его разговоров, вдохновил DARPA, подрядчиков Министерства обороны США, на разработку аналогичной системы Gorgon Stare* (информация

* С англ. — взгляд Горгоны. — Прим. ред.

об успешных испытаниях датируется 2014 годом). О боевых роботах тех же DARPA вы уже наверняка слышали, как и многих других приметах недалекого будущего, ставшего нашим настоящим. Даже отец киберпанка, писатель Уильям Гибсон, жаловался на то, что ему пришлось переписывать последний роман «Агент влияния» (2020): никак не мог угнаться за происходящим в реальности*. И действительно: майнинг криптовалют с помощью биометрических данных, дроны-убийцы, самостоятельно выбирающие жертв, боевые роботы, перерабатывающие пищу в энергию, боты, публикующие написанные нейросетями комментарии в соцсетях, — насколько киберпанково это по десятибалльной шкале?

Литература, кино, музыка влияют на то, как мы говорим и думаем о дне X — и как мы его в конечном счете будем переживать. Неслучайно в нулевые в оборот вошло слово «doom-monger» — человек, предвкушающий праздник общей беды. Непрерывающийся шквал апокалиптических сценариев заставляет задуматься: не являемся ли мы все в той или иной степени doom-monger'ами? Или, быть может, во времена холодной войны мы настолько глубоко запустили фантазию о ярчайшей вспышке, за секунду обнуляющей все достижения цивилизации, что теперь будем передавать ее по наследству веками?

Одно и то же навязчивое явление мы можем рассматривать и как предсказание, и как следствие невроза — циничный

* *Leith S. William Gibson: 'I was losing a sense of how weird the real world was' // The Guardian. 2020. 11 января. URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/jan/11/william-gibson-i-was-losing-a-sense-of-how-weird-the-real-world-was>. — Прим. ред.*

вариант оказывается куда более оптимистичным. Паруса романтизма надувает предчувствие неизбежной смерти – и горячее желание жить, покуда возможно. У какой-нибудь современной метал-группы вполне мог бы встретиться текст из анонимных «Лирических баллад»*, опубликованных в конце XVIII века:

*Взгляну ли в море – вижу гниль
И отверщаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг
И вижу трупов ряд.
На небеса гляжу, но нет
Молитвы на устах.
Иссохло сердце, как в степи
Сожженный солнцем прах**.*

Однако жизнь показывает, что и такой подход тоже не лишен определенного метафизического оптимизма. Упомянутый взгляд на небеса предполагает наличие веры, а она, в свою очередь, возможность чуда, которое совершается вопреки всем законам, всем ожиданиям, всему опыту человека. Робертс точно подмечает, что конец света – это чудесное событие, поскольку в него, как правило, вшита возможность избежать катастрофы или хотя бы засвидетельствовать ее. Близость конца света провоцирует нас действовать подобно героям мифам – встреча один на один с Сатаной предполагает возможность диалога,

* На самом деле их написали Сэмюэль Тейлор Колридж и Джон Вудсворт, но они предпочли скрыть свои фамилии на момент публикации. — Прим. ред.

** Перевод В. Левика. — Прим. ред.

схватки, сделки, чего угодно, что делает человека в этой ситуации субъектом, а не единичкой в списке жертв. Большинство сюжетов об апокалипсисе неисправимо романтичны — и, возможно, поэтому они так привлекательны.

«Вот и всё.» раскрывает преимущественно англосаксонскую историю жанра, упуская из виду то, что было написано и снято по теме в России и СССР. А здесь есть что вспомнить. В XVII–XIX веках конец света отображался в рамках дихотомии Бог/Дьявол — к образу пришествия Антихриста и наступающих перед этим последних времен обращались протопоп Аввакум и Федор Достоевский, Владимир Печерин и Дмитрий Мережковский, Валентин Свенцицкий и Андрей Белый, Леонид Андреев и Николай Клюев и т. д. Расцвет секулярной антиутопической и апокалиптической литературы пришелся на начало XX века. Объединение этих нарративов под одной крышей неслучайно: если апокалипсис — это конец человечества, то антиутопия — это конец человечности, и выйти из нее, как правило, можно только через радикальный слом системы. Другими словами, большинство счастливых концовок в той или иной степени предполагают очищение через катастрофу — это мнение разделяет и Робертс, включивший в список апокалиптических произведений трилогию «Матрица».

Идеи из книг тех лет сильно опередили свое время. В «Гибели главного города» (1918) Ефима Зозули небо целиком отдают под рекламу, перекрывающую звезды, в его же «Живой мебели» (1919) бухгалтер, знаток нескольких языков, нанимается к олигарху служить ножкой кровати вместе

с еще пятью людьми. В «Бриге „Ужас“» (1913) Антония Оссендовского симбиотическая (полугриб-полуплесень) форма жизни, поднятая из глубин Земли, стремительно превращает все, с чем соприкоснется, в студень – и это за три года до дебюта Лавкрафта! Патриархальный мир победившей евгеники в «Вечере в 2117 году» (1906) апологета всеобщего воскрешения Николая Федорова сделал бы честь Маргарет Этвуд. «Под кометой. Высеченные на камне записки очевидца о гибели и разрушении Земли» (1910) С. Бельского (Симона Савченко) описывает последние дни цивилизации, открывшей холодный синтез, геоинжиниринг и глубокий анабиоз, позволяющий жить практически сколько угодно. Однако даже так люди не смогли разглядеть угрозу из космоса – упавшая на Землю комета уничтожает все живое, кроме шести потерянных человек, вяло ругающихся на развалинах. Пьеса «Праздник Сатаны» революционера Александра Вермишева (1918) – антиутопия про мир победившего технокapитализма, где простым людям не остается ничего другого, кроме как продавать свое тело богачам, научившимся добывать из органов все необходимые для производства элементы. Отдельно стоит отметить, что для некоторых писателей их сочинения воплотились в жизнь: так, Ефим Зозуля погиб на фронте 3 ноября 1941 года в ситуации, схожей с описанной в «Гибели последнего города», а Николая Клюева, принявшего советскую власть за явление Антихриста, расстреляли в 1937-м.

За вольницей двадцатых годов, оставившей нам абсурдистскую мясорубку «Иприта» (1925) Всеволода Иванова и Виктора Шкловского, последовал поворот, предвосхищенный памфлетом Алексея Крученых «Апокалипсис в русской литературе» (1923):

Тема Апокалипсиса и Конца Мира не забыта и в наши дни. И если из России ее повышибли, то за границей наши апокалиптики еще мерещковаты, вопия, что в РСФСР появился Антихрист и «время близко» — будьте наготове; а в самой Европе Шпенглер запел о гибели «мира сего»: в современной Европе, дескать, только механическая культура — позитивизм и комфорт, а истинная культура — цивилизация — в душах тоскующих избранных натур! (Что из механического может вырасти духовное — этого они, на радость прошлякам, знать не желают!) *Всю эту высокопарную кислятину русская литература твердила уже 100 лет!*

В тридцатые годы мрачные взгляды антиутопистов и doom-monger'ов оказались не очень угодны советским издательствам и театрам. До 1987 года пролежала завернутая цензурой пьеса «Адам и Ева» (1931) Михаила Булгакова, повествующая о супероружии — похожем на радиацию «солнечном газе», — уничтожившем население Ленинграда, да и, по всей видимости, планеты. На несколько десятилетний лейтмотив гибели человечества затихает в советской литературе, изредка проявляя себя на уровне агитации за разоружение капиталистических стран. Отдельные произведения датируются уже второй половиной века: «Улитка на склоне» (1966) и «Пикник на обочине» (1972) братьев Стругацких, «День свершений» (1986) Виктора Жилина. С кино тоже негусто: пока кинотеатры западных стран крутили картины о Чужих, Хищниках, зомби и прочей занимательной нечисти, советский зритель узнавал о ней в основном в пересказах. Если хоррором все-таки еще худо-бедно

можно назвать полдюжины картин* («Посредник», «Прикосновение», «Семья вурдалаков», «Господин оформитель», «Пьющие кровь»), то за апокалиптические мотивы в позднесоветском кино отвечают разве что «Записки мертвого человека» (1986) и «Посетитель музея» (1989) великого скорбца Константина Лопушанского, шестидесятнический манифест «Сталкер» Андрея Тарковского (1979), чрезмерно жизнелюбивая «Кин-Дза-Дза» (1986) Георгия Данелии, (с большой натяжкой) мистический «Посвященный» (1989) Олега Тепцова и отдельные ленты объединения некрореалистов. Особого упоминания стоит поразивший души многих позднесоветских школьников мультфильм «Будет ласковый дождь» (1984) Назима Туляходжаева — правда, он снят по мотивам одноименного произведения Рэя Брэдбери.

С распадом СССР фильмов о конце света стало больше, правда, упали оригинальность материала и качество его исполнения (что не всегда плохо — любители китча должны посмотреть «Монстров» (1993) Сергея Кучкова, где спекуляция на теме Чернобыля соединяется со спецэффектами уровня «Спокойной ночи, малыши»). Так, «Третья планета» (1991) Александра Рогожкина — это очевидный оммаж «Сталкеру», а «Дикий восток» Рашида Нугманова (1993) — «Безумному Максусу». Рассказывать о более известных произведениях последующей эпохи вроде «Кысь» (2000) Татьяны Толстой и «Метро 2033» (2002) Дмитрия Глуховского вроде

* Как утверждает один из редких представителей советского хоррора Игорь Шевченко (автор великолепного и недавно отреставрированного «Часа оборотня» (1990)), помимо идеологических причин, развитию жанра мешала неравномерная перфорация советской киноплёнки — что в случае съёмок наложением не давало достоверной картинки: другими словами, в кадре все дрожало. — *Прим. ред.*

как-то и неловко — их до сих пор можно найти на полках книжных магазинов.

Каталоги, подсчет, категоризация невероятно успокаивают — это знает каждый коллекционер. Вот и перечень выше должен был немного сбавить градус тревоги этого не в меру взбудораженного предисловия. Подобные списки — это обещание самому себе, незыблемый план, не зависящий от обстоятельств и, в конечном счете, не требующий выполнения. Нам приятно само знание, что есть нечто выдающееся, что мы не читали или не смотрели, но что подпадает под наши интересы. Верно и обратное: плохое искусство воспринимается как символ упадка цивилизации — взять хотя бы тот убогий барельеф на станции «Сокольники». А покуда люди делают нечто прекрасное, в нас еще будет теплиться вера в силу человеческого духа и его изобретательность, которая, быть может, позволит всем спастись.

Раздражителей, связанных в нашей голове с образом конца света, в ближайшее время вряд ли станет меньше. Но из опыта предыдущих поколений, помышлявших конец света на своем веку, можно вынести немало ценных уроков, помогающих справиться с тревогой, не потеряв при этом бдительности. И прежде чем передать вас в заботливые руки профессора Робертса, приведу цитату из итальянской зомби-комедии «Влюбленный гробовщик» (1994): «Tra morti viventi e vivi morenti, siamo tutti uguali». Что означает: разница между ожившими мертвецами и умирающими живыми невелика.

Феликс Сандалов,
июль 2021 года